

ДО

Я толстый.

Не «коренастый», не «плотный» или «ширококостный». Я тяжелый, занимаю много места, и прохожие на улицах странно на меня поглядывают. Да, в мире куча людей, у которых проблемы куда серьезнее, чем у меня здесь, в Бразилии, но я не могу думать о чужих страданиях, когда самому приходится мучиться в школе. Старшие классы — мой личный ад последние два с половиной года.

Иногда кажется, что список прозвищ для толстых людей не имеет конца и края. Не сказать чтобы его авторы отличались богатой фантазией, но меня всегда поражало, как изощряются ребята в школе, когда намного проще звать меня по имени — Фелипе.

С тех пор как на географии подо мной сломался стул, каждый встречный считает своим долгом при виде меня затянуть песню про «Шар-бабу»*. Две недели спустя та же история повторилась с другим парнем, но его никто творчеством Майли Сайрус не изводил. Ну разумеется: он-то худой.

Я всегда был толстым и за семнадцать лет приноровился пропускать обидные подколки мимо ушей. Однако так к ним и не привык. Сложно привыкнуть к тому, что вас ежедневно зовут приспособлением для сноса зданий. Я лишь наловчился делать вид, будто речь не обо мне.

* Имеется в виду песня Майли Сайрус Wrecking Ball. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

В прошлом году, никому ничего не говоря, я купил один из этих подростковых журналов, что продаются с постерами бой-бендов. Мне нравятся бой-бенды (куда больше, чем я готов это признать), но сподвиг меня на покупку не постер, а заголовок на обложке: «Стесняешься своего тела? Преодолей это, девочка!»

Согласно журналу ребята с лишним весом, мечтающие стать крутыми и завести друзей, должны как-то компенсировать свою внешность. Проще говоря, если ты веселый, или суперстильный, или невероятно обаятельный, никто не заметит твоей полноты. Я задумался, чем же сам могу похвастать... и так ничего и не надумал.

В смысле я вроде веселый. Люди в Сети меня любят (пятьсот сорок три подписчика в профиле — и это не предел). Но когда я пытаюсь общаться в реальной жизни, веду себя как настоящий лузер. Обаятельным меня тоже не называть. Что до стиля... Ха-ха. Мой «стиль» сводится к кроссовкам, джинсам и безопасной серой футболке. Сложновато одеваться круто, когда ты размера XXL.

Я пролистал журнал до конца, прошел опросник «Какая звезда стала бы твоей лучшей подругой?» (у меня получилась Тейлор Свифт) и выбросил эту муть. Нечего напоминать мне, что я и предложить-то людям ничего не могу.

Но сегодня все будет иначе. Последний день перед зимними каникулами — день, которого я ждал с самого начала учебного года. Зимние каникулы длятся двадцать два дня. Двадцать два божественных дня без «толстых» шуток, гадких прозвищ и косых взглядов.

Я пораньше выскакиваю из кровати, чтобы точно не опоздать в школу, а когда прихожу на кухню, мама уже там, что-то рисует на холсте. Три года назад она бросила работу в бухгалтерии и стала художницей. С тех пор наша кухня больше нормальной кухней не выглядела — повсюду холсты, краски и глина.

ДЕНЬ 1

— Заходи, заходи, — говорит мама, буквально втягивая Кайо в квартиру и поправляя ему челку.

Границы, мам. Границы личного пространства. Не забывай.

Я думал, Кайо придет со своей матерью и длиннющим списком инструкций. Но нет, явился сам по себе.

— Родители утром улетели в Чили первым же рейсом, — объясняет он моей маме.

Они минуты две ведут разговор, пока я просто молча торчу рядом. А еще стараюсь поменьше потеть и вести себя нормально.

— Сын! Помоги ему с чемоданом, — говорит мама, шелкая пальцами у меня перед носом и возвращая в реальность.

Реальность, где я закатываю в свою комнату огромный, с леопардовым принтом чемодан, полный одежды моего горячего соседа, с кем мне, кстати говоря, жить следующие пятнадцать дней. Глубоко вдыхаю и завожу багаж в угол, между шкафом и моим столом. Делаю еще один глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Прости, что столько вещей. Это все мама, — говорит Кайо, из ниоткуда возникая на пороге комнаты. Я слегка вздрагиваю, но прячу нервозность за натянутой улыбкой.

Молчу, не знаю, что сказать. Мне хочется блеснуть чувством юмора, но из трех шуток, которые приходят на ум, для понимания двух требуется хорошо знать сериал «Друзья», а третья почти наверняка оскорбила бы мать Кайо.

— Ребята! Обедать! — зовет нас мама, невольно выручая меня из неловкой ситуации.

— Я на секунду в душ и сразу приду! — кричу в ответ я, оставляю Кайо в комнате, а сам бегу в ванную.

В душевой наконец-то получается вдохнуть свободно. Вода помогает расслабиться, и я более спокойно взвешиваю ситуацию. Я умею общаться с людьми, я добрый, приятный (ну, наверное). А Кайо — просто гость.

Вроде вот как моя двоюродная бабушка Лурдес приезжает к нам в гости на День поминовения усопших. У нее здесь муж похоронен, и каждый год она остается у нас на неделю. Бабуля Лурдес любит во все блюда добавлять зеленый перец, а еще приглаживать мне брови, смочив палец слюной. Кайо так себя вести не станет (надеюсь), с ним будет легче.

После душа мне куда спокойнее, кажется, что все пройдет хорошо. Просто я в тысячный раз накрутил себя, раздув проблему из ничего. Пора уже привыкнуть. Посмеялся бы над собой, но вдруг становится не до смеха: чистую одежду-то я с собой не взял. В ванной лишь полотенце да кучка грязных вещей.

Надо быстро придумать выход из ситуации: не хочу, чтобы Кайо гадал, почему я так долго торчу в ванной. Сами знаете, что говорят о мальчиках, которые слишком долго принимают душ. Ну вот.

Прижимаюсь ухом к двери и ловлю голоса на кухне. Мама точно там, а Кайо, наверное, уже обедает. Пожалуй, у меня получится незаметно проскочить обратно в спальню. Заворачиваюсь в полотенце и, мысленно напевая тему из «Миссия невыполнима», в три больших шага оказываюсь у своей комнаты.

Открываю дверь...

И.

Хочу.

Умереть.

На месте.

Кайо там, сидит с книгой в руках. Поднимает голову, хочет что-то сказать, но я его перебиваю. Вообще-то, буквально ору:

— Убирайся из моей комнаты! Сейчас же!

В испуге он встает и уходит, а я захопываю за ним дверь, запираю замок и тут же начинаю плакать. Негромко и с надрывом, картинно сползая по стене на пол. По щеке скатывается одна-единственная слеза, а мне ужасно стыдно. Стыдно, что я мокрый и совершенно голый, если не считать полотенца с логотипом «Звездных войн», которое у меня даже на талии не сходится. Стыдно, что Кайо наткнулся на меня в таком виде. Что я на него наорал. И это даже первый день закончиться не успел.

Ручка двери поворачивается, кто-то пытается войти, но тщетно.

— Фелипе, все в порядке? Что произошло? Идем обедать! — зовет мама. Никак не могу определить по голосу, волнуется она за меня или сердится. Наверное, и то и другое.

— Я потом поем. Не голодный, — вру я.

Подхожу к шкафу за одеждой и выполняю обычный ритуал. Несколько секунд смотрю в зеркало и отмечаю все, что мне в себе не нравится. Иногда заостряю внимание на мелочах, например выскочил новый прыщик или появилась новая красная растяжка на боку. Иногда рассматриваю тело в целом, гадая, как бы оно выглядело, будь я худым.

Но сегодня я долго перед зеркалом не кручусь. Пусть дверь заперта, я все равно остро чувствую свою наготу просто потому, что Кайо в моем доме. Натягиваю первую попавшуюся футболку — та неприятно липнет ко все еще влажному телу — и какие-то штаны.

Уязвленная гордость не дает выйти из спальни. Лежу в кровати, жую найденные в рюкзаке полпачки печенья и убиваю время с телефоном. Одному плохо. Хочется, чтобы мама пришла и поговорила со мной. Дала мне какой-то

совет — и тарелку еды! Серьезно, кого я обманываю? Полпачки печенья! Я хочу нормальный ужин!

Однако мама не приходит.

Два часа спустя я решаю на цыпочках пробраться на кухню. Мама рисует новую картину, а в доме царит тишина.

— Тарелка в микроволновке, — слышу я с порога. Судя по тону, настроение у мамы не очень.

Бормочу «спасибо», но она лишь тяжело вздыхает — значит, сейчас будет серьезный разговор.

— Фелипе, сын, я не дуручка. Я твоя мать. Я хорошо тебя знаю и понимаю, почему ты накричал на Кайо, — тихо начинает мама, вероятно, потому, что наш гость в соседнем помещении. — Но ты в жизни ни на кого не поднимал голоса, и не стоит начинать сейчас. Да, ты любишь тишину, покой и чтобы тебя не трогали. Понимаю. Кайо у нас всего на две недели, и мне нужна твоя поддержка. Ты больше не ребенок. Я не поведу тебя за ручку в гостиную. Но когда доешь, сделаешь приветливое лицо, пойдешь и сам извинишься перед Кайо.

Я только закатываю глаза.

— А вот за это еще и посуду потом помоешь, — с довольной улыбкой прибавляет мама.

Стою посреди гостиной и от души желаю, чтобы на дом упал метеорит и спас меня от этой ужасно неловкой ситуации. Ну или пусть я сквозь землю провалюсь. Не принципиально.

Кайо сидит на диване, читает ту же самую книгу, что сегодня утром в лифте («Братство кольца», к слову, моя любимая). Сцена кажется какой-то неправильной. Ну не может Кайо сидеть на нашем старом диване в цветочек посреди

незаконченных маминих картин и рядом с моей фотографией, где мне десять и я в костюме туземца для школьной пьесы, мало того что ужасно нелепом, так еще и ужасно некрасивом.

Кайо тут словно белая ворона, словно пришелец на полотне эпохи Возрождения (и, пожалуй, хуже сравнения вы сегодня уже не прочитаете).

Разумеется, он заметил мое появление. Человека моих габаритов сложновато не заметить. И все же Кайо не поднимает головы. Усердно читает книгу, и челка слегка сползает ему на левый глаз. Мне хочется лизнуть его щеку.

Вот бы сесть рядом, посмотреть, на какой он главе. Спросить, как ему история. Интересно, Кайо из тех, кто сперва смотрит фильм, а потом читает книгу, или наоборот?

Прокашливаюсь и сам пугаюсь, как громко получилось. Но надо же как-то обозначить свое желание поговорить.

— Прости, что накричал на тебя.

Кайо смотрит мне прямо в глаза, а я не могу понять, злится он или жалеет меня. Ни один из вариантов мне не нравится.

— Все нормально, — сухо отвечает Кайо, опускает голову и продолжает читать.

Отлично поговорили. Молодец, Фелипе.

Ужин проходит еще более странно. Мы едим в гостиной под повтор реалити-шоу о свадебных платьях. Я, мама и Кайо втискиваемся на диванчик и не сводим глаз с невесты. Та в панике: до мероприятия всего три дня, а на ней платье не застегивается. Я бы в жизни не успел достаточно похудеть в столь сжатые сроки, поэтому жую и от души сопереживаю бедняжке.

Мама заводит с Кайо разговор, и наш гость почти до обидного легко в него включается. Они болтают о популярном сериале, который мама в глаза не видела, однако умудряется точно угадать, что случится в следующей серии. Кайо нахваливает мамины кулинарные таланты и, похоже, говорит искренне, хотя мы едим все те же рис, бобы, говядину и картошку фри, что и на обед.

— Нет, правда, Рита! Такая вкуснятина! Моя мама нашу еду только что под микроскопом не проверяет. Я уже жаловался папе, что она перегибает палку. Даже соль у нас под запретом, — сообщает Кайо, не прекращая жевать.

— Тогда не смей говорить Сандре, что питаешься у нас жареной картошкой! Иначе она больше никогда тебя к нам не пустит, — смеется мама.

Они болтают, словно закадычные друзья. Я же сижу на другом конце дивана и слушаю. Только слушаю, не говорю ни слова.

Глупо, конечно, но я завидую. Завидую Кайо, потому что мама глаз с него не сводит, а на меня вовсе внимания не обращает. Того хуже, завидую маме. Кайо дня здесь не провел, а уже от нее в восторге. Вот бы он со мной так говорил. О еде, о своей матери, о сериалах — о чем угодно.

Мы досматриваем свадебное шоу (невеста успевает похудеть, платье обалденное, все плачут от счастья, конец), и мама легонько хлопает меня по плечу — мыть посуду опять мне. Похоже, я еще не расплатился за сегодняшнее поведение.

Пока я вожусь на кухне, мама желает Кайо спокойной ночи (разумеется, прощаются они максимально мило). Едва сдерживаюсь, чтобы не распахнуться, — точно, ведь через пару часов мы с ним окажемся в одной спальне! В считанных сантиметрах друг от друга.

Квартира у нас небольшая, и гостевой никогда не было. Однако моя кровать такой конструкции, где тянешь за ручку

и — тадам! — снизу выезжает еще один матрас. Мама приобрела ее с расчетом, что я буду приглашать друзей на ночевку. Только вот не припомню, когда у меня ночевал кто-то помимо бабули Лурдес.

Двухнедельное соседство с Кайо грозит бесконечной чередой катастроф. За то время, пока мою три тарелки, успеваю составить целый список из пятидесяти четырех пунктов, что же может пойти не так. В основном версии довольно мерзкие (вроде ночного газоиспускания), но есть и чисто физиологические, от которых никуда не деться (например, утренний стояк).

Я вообще большой любитель себя накрутить. И все же решаю притормозить, когда дохожу до варианта, где меня одолевает приступ лунатизма (нет, на самом деле я подобным не страдаю) и я набрасываюсь на Кайо посреди ночи. Это прямо очень... неловко.

Итак, мою посуду, вытираю, вытираю еще раз и тщательно расставляю все в шкафу. Тяну время как могу, только бы не идти в кровать. Промокаю лоб кухонным полотенцем (мам, прости) и возвращаюсь в гостиную.

Не знаю, сколько я провозился, но Кайо успел переодеться в пижаму, раздобыть подушку и улечься на диване с книгой, закинув ноги на сложенное одеяло. На мгновение я теряю дар речи. Не то чтобы я собирался что-то сказать, но все же. Пытаюсь уложить информацию у себя в голове:

- *«Похоже, Кайо собирается спать в гостиной».*
- *«Потому что принес сюда подушку и одеяло. В гостиную».*
- *«Кайо уже в пижаме».*
- *«Кайо что, будет спать в гостиной?»*
- *«Видимо, да, раз уж он в пижаме. И в гостиной».*
- *«Ого. Кайо в пижаме».*
- *«Похоже, насчет газов и стояка я зря переживал».*
- *«И все же нехорошо, что Кайо будет спать в гостиной».*

— «Хочу, чтобы он спал со мной».

— «Особенно в этой пижаме».

Я бы мог еще часами распинаться, как хорош Кайо в пижаме. Сине-белый наряд на морскую тематику. Верх в полосу и с глубокой треугольной горловиной. Низ с принтом из маленьких якорей и корабликов. Однако сосредоточиться на дизайне не получается, ведь там, где заканчиваются шорты, начинаются ноги Кайо. Про них я бы еще пару часов поговорил. Бедра крепкие и покрыты легким пушком, загорелая кожа еще больше блестит в свете люстры (вообще-то, так называемая люстра — просто круглый бумажный фонарь, который мама решила соорудить, увидев видеоролик в интернете).

С определенного ракурса Кайо похож на Аладдина. Я начинаю фантазировать, как бы мы с ним улетели на волшебном ковре открывать целый новый мир, но тут мой гость подчеркнуто громко откашливается и поворачивается ко мне. Понятия не имею, сколько уже вот так торчу столбом, плююсь на Кайо и схожу с ума из-за пары красивых ног.

— Я буду спать в гостиной, — констатирует гость, будто я сам не догадался.

Поначалу хочу все же уговорить его переночевать в моей спальне. Наверное, стоит предупредить, что диван слишком твердый и спине на таком конец (это правда). Но кого я обманываю? Разумеется, Кайо не станет меня слушать. Особенно после того, как увидел меня голым, мокрым, в полотенце, да еще и услышал: «УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ КОМНАТЫ!»

Предлагаю ему воды, чаю, вторую подушку, но Кайо от всего отказывается. А когда он вновь утыкается в книгу, я понимаю: пора уходить. Бреду в комнату и хлопаю дверь — несильно, чтобы не разбудить маму, но довольно драматично.

Сегодня решаю спать в пижаме. Обычно для этой цели подходят старая футболка и шорты. Но сейчас я достаю из комода настоящую пижаму. Она не сексуальная и не «морская» — бежевая, огромная и уродливая. Смотрюсь в зеркало. Выгляжу как фото самой большой в мире печенки по версии Книги рекордов Гиннеса.

Какой стыд.

Плюхаюсь в кровать и смотрю видео с котиками, пока не засыпаю.